

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ЕВГЕНИЙ КУЗЬМИН против РОССИИ»

(Жалоба № 6479/05)

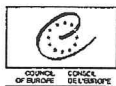
Неофициальный перевод

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Г. СТРАСБУРГ

3 Мая 2012 года

Настоящее постановление вступило в силу 3 августа 2012 г.

По делу «Евгений Кузьмин против России»,

Европейский Суд по Правам Человека (Первая Секция), заседая палатой, в состав которой вошли:

Нина Вайич, *Председатель*,
Анатолий Ковлер,
Пер Лоренсен,
Элизабет Штайнер,
Ханлар Гаджиев,
Линос-Александр Сицилианос,
Эрик Мозе, *судьи*,

а также Сорен Нильсен, *Секретарь Секции*,

проведя заседание за закрытыми дверями 10 апреля 2012 года,
вынес следующее постановление, утвержденное в вышеназванный
день:

ПРОЦЕДУРА:

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 6479/05) против Российской Федерации, поступившей в Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») от гражданина Российской Федерации Евгения Николаевича Кузьмина (далее — «заявитель») 2 декабря 2004 года.

2. Интересы Властей Российской Федерации («Власти») представлял Г.Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель утверждал, в частности, об отсутствии достаточных и соответствующих оснований для его продолжительного содержания под стражей.

4. 10 ноября 2010 года Власти были уведомлены о поданной жалобе. Кроме того, было решено рассмотреть жалобу по существу одновременно с решением вопроса о ее приемлемости (пункт 1 статьи 29).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА:

5. Заявитель, 1982 года рождения, проживает в г. Мариинске, Кемеровской области.

6. 8 сентября 2003 года заявитель был задержан по подозрению в нанесении побоев при отягчающих обстоятельствах и причинении

смерти по неосторожности лицу при производстве следственных действий.

7. 10 сентября 2003 года Мариинский городской суд Кемеровской области («городской суд») постановил заключить заявителя под стражу. Суд отметил, что заявитель подозревался в совершении особо тяжкого преступления и, будучи сотрудником милиции, заявитель мог использовать свои полномочия для того, чтобы оказать влияние на свидетелей и помешать расследованию. Данное решение было оставлено в силе областным судом Кемеровской области (областной суд) 22 сентября 2003 года.

8. 31 октября 2003 года городской суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 29 ноября 2003 года, заявив, что заявитель обвиняется в совершении тяжких и особо тяжких преступлений и что, оказавшись на свободе, заявитель может препятствовать установлению истины и оказать влияние на свидетелей. 4 декабря 2003 года областной суд оставил данное постановление без изменений.

9. Согласно позиции заявителя, 29 ноября 2003 года – в последний день срока содержания его под стражей, установленного в постановлении городского суда от 31 октября 2003 года – администрация СИЗО, в котором он тогда содержался, отказалась отпустить его, ссылаясь на письмо прокурора города Мариинска, в котором утверждалось, что 28 ноября 2003 года материалы уголовного дела были направлены в суд. По утверждению заявителя, материалы дела в действительности были отправлены в суд только 1 декабря 2003 года.

10. 7 декабря 2003 года городской суд назначил слушание по делу заявителя и постановил, что мера пресечения в отношении заявителя должна остаться прежней. Суд не уточнил сроки содержания под стражей и не обосновал свое решение.

11. 16 декабря 2003 года городской суд постановил, что дело должно быть возвращено следователю, чтобы у заявителя была возможность ознакомиться с материалами дела. Суд также оставил меру пресечения в отношении заявителя в виде заключения под стражей. Срок содержания заявителя под стражей не был уточнен, как и не были даны обоснования для вынесения такого решения.

12. Городской суд назначил заседание по рассмотрению дела заявителя на 22 декабря 2003 года и продлил срок содержания заявителя под стражей. Срок содержания заявителя под стражей не был уточнен, не были даны обоснования для оставления под стражей.

13. 26 мая 2004 года городской суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 1 сентября 2004 года. Причиной этого была указана характеристика личности заявителя, а также то, что ему были предъявлены обвинения в совершении тяжких и особо тяжких

преступлений и что он не признал свою вину, что, по мнению суда, предположительно в случае освобождения может помешать установлению истины.

14. 19 июля 2004 года городской суд вновь продлил срок содержания под стражей до 1 декабря 2004 года, ссылаясь на те же основания, что были указаны в постановлении от 26 мая 2004 года. Данное постановление было оставлено в силе областным судом 7 сентября 2004 года в кассационном порядке.

15. Приговором городского суда от 22 ноября 2004 года заявитель был признан виновным и приговорен к пяти годам и шести месяцам лишения свободы. Этот приговор был оставлен в силе в результате кассационного пересмотра областным судом 22 марта 2005 года.

16. В неустановленный момент заявитель подал заявление о возбуждении уголовного дела в отношении прокурора Мариинска. Он, по словам заявителя, предоставил администрации СИЗО, в котором содержался заявитель, ложную информацию, о том, что материалы по уголовному делу были отправлены в суд 28 ноября 2003 года, хотя этого не было сделано до 1 декабря 2003 года. Заявитель жаловался, что из-за ложной информации он был оставлен под стражей после 29 ноября 2003 года, хотя срок содержания под стражей, ранее установленный постановлением суда от 31 октября 2003 года, истек.

17. 28 июня 2005 года Центральный районный Суд г. Кемерово отказал в удовлетворении жалобы заявителя на постановление прокуратуры Кемеровской области об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении прокурора города Мариинск. Это постановление было оставлено в силе в кассационном порядке в областном суде 18 августа 2005 года. Суды подтвердили, что постановление прокуратуры было законным и обоснованным, поскольку никаких признаков преступления в действиях должностного лица не обнаружено, он не нарушал никаких положений российского уголовного права или уголовно-процессуального законодательства, и не было никаких доказательств незаконности содержания заявителя под стражей в период, на который ссылается заявитель.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

18. С 1 июля 2002 года уголовно-процессуальные вопросы регулируются российским Уголовно-процессуальным кодексом (Закон №. 174-ФЗ от 18 декабря 2001 года).

А. Меры Пресечения

19. «Меры пресечения» включают в себя подписку о невыезде, личное поручительство, залог и заключение под стражу (статья 98). При принятии решения о выборе меры пресечения компетентный орган обязан учесть наличие оснований для того, чтобы полагать, что обвиняемый не скроется от следствия или суда, не совершит преступление повторно и не воспрепятствует установлению истины (статья 97). Кроме того, следует учитывать тяжесть обвинения, данные о характере обвиняемого, его профессию, возраст, состояние здоровья, семейное положение и другие обстоятельства (статья 99). В особых случаях и в случае наличия оснований по статье 97, определенные меры пресечения могут быть применены к подозреваемому, учитывая обстоятельства, упомянутые в статье 99 (статья 100). Если есть необходимость, с подозреваемого или обвиняемого может быть взято обязательство явиться в суд (статья 112).

Б. Сроки задержания

1. Два типа содержания под стражей

20. Кодекс выделяет два типа содержания под стражей: первый – до завершения расследования – то есть пока компетентные следственные органы ведут расследование по уголовному делу, второй – в ходе судебного разбирательства (во время суда) – в судебной стадии.

2. Ограничение продолжительности содержания под стражей до завершения расследования

21. Такая мера пресечения как заключение под стражу может быть применена на основании постановления суда только лишь в отношении лица, подозреваемого либо обвиняемого в совершении уголовного преступления со сроком наказания свыше двух лет лишения свободы (статья 108). Максимальный срок содержания под стражей – два месяца (статья 109). Судья может продлить срок до шести месяцев (часть 2 статьи 109). Последующие продления срока содержания могут быть санкционированы судьей в случае, если лицо обвиняется в совершении тяжких и особо тяжких преступлений (часть 3 статьи 109). Продление срока содержания под стражей более чем на восемнадцать месяцев не допустимо, в таком случае подозреваемый должен быть немедленно освобожден (часть 4 статьи 109).

3. Ограничение продолжительности содержания под стражей «во время суда»

22. Начиная с того времени, когда прокурор направляет материалы дела в суд, содержание подсудимого под стражей попадает в категорию содержание под стражей «во время суда». Содержание под стражей в ходе судебного разбирательства может быть продолжаться до даты, когда выносится приговор суда первой инстанции. Обычно срок не превышает шести месяцев с момента поступления материалов дела в суд, однако если дело связано с обвинениями в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, суд может продлить срок содержания под стражей один (или более) раз, но не более чем на три месяца каждый (части 2 и 3 статьи 255).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 3 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

23. Заявитель жаловался, что национальные власти не смогли достаточно обосновать решения о продлении срока его содержания под стражей. Эта жалоба должна быть рассмотрена в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции, который гласит:

«Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд».

24. Власти оспорили данный аргумент, утверждая, что были существенные и разумные основания для содержания заявителя под стражей в течение всего периода. Они отметили, что заявитель подозревался в совершении тяжкого и особо тяжкого преступления и что, будучи сотрудником милиции, он мог использовать свой опыт работы в правоохранительных органах и деловые связи для оказания влияния на следствие и на свидетелей. Власти привели в качестве примера допрос свидетеля П., очевидца события, в совершении которого обвинялся заявитель, которая показала, что сотрудники милиции угрожали ей насилием в случае, если она будет свидетельствовать против заявителя. По утверждению Властей, П. изменила свои показания в ходе судебного разбирательства и свидетельствовала против заявителя, вместо утверждений, что он не проявлял жестокость в отношении жертвы, о чем она заявляла в ходе

предварительного следствия. Таким образом, Власти утверждают, что, оставляя заявителя под стражей, власти смогли защитить иных лиц, связанных с этим уголовным делом и избежать судебной ошибки. Власти также отмечают, что весь период содержания заявителя под стражей был впоследствии учтен и вычтен из срока лишения свободы, назначенного приговором суда от 22 ноября 2004 года.

А. Приемлемость

25. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в соответствии с подпунктом (а) пункта 3 статьей 35 Конвенции. Кроме того, нет оснований объявлять ее неприемлемой на каких-либо иных основаниях. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

Б. Существо дела

26. В соответствии с устоявшейся судебной практикой определения продолжительности содержания под стражей в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции, срок содержания начинается со дня, когда подозреваемый был задержан и заканчивается днем, когда вынесен приговор суда первой инстанции (см., среди прочих дел, «Белевитский против России», № 72967/01, пункт 99, от 1 марта 2007 года).

27. В данном деле содержание заявителя под стражей началось 8 сентября 2003 года, когда его задержали, и закончилось 22 ноября 2004 года, когда он был осужден судом первой инстанции, то есть продолжалось один год два месяца и четырнадцать дней. Даже если данный срок не кажется чрезмерно длительным сам по себе, Суд повторяет, что пункт 3 статьи 5 Конвенции не может рассматриваться как основание для продления срока содержания под стражей безоговорочно, если содержание под стражей не превышает определенный минимальный период. Обоснование любого решения о продлении срока содержания под стражей, независимо насколько краткого, должно быть убедительно продемонстрировано властями (см. «Шишков против Болгарии», № 38822/97, пункт 66, ECHR 2003-I (выдержки)).

28. Суд готов признать, что содержание заявителя под стражей в данном случае изначально было действительно оправдано характером обвинений – участие в совершении уголовного преступления. В связи с этим Суд напоминает, что сохранение обоснованного подозрения, что задержанный совершил преступление, является непрямым условием законности содержания под стражей. Тем не менее, по прошествии определенного времени этого уже не достаточно. В таких случаях суд должен установить, являются ли другие обоснования,

предоставленные судебными органами, надлежащим основанием для ограничения свободы. Если данные обоснования являются «допустимыми» и «достаточными», Суд должен также убедиться в том, что компетентные национальные власти проявляют «особое усердие» в отношении разбирательств (см. «Лабита против Италии», № 26772/95, пункты 152-153, ECHR 2000-IV).

29. В данном деле национальные суды шесть раз выносили постановления о продлении срока содержания под стражей. В трех из случаев они опирались в основном на тяжесть предъявленных заявителю обвинений и вероятность что заявитель может скрыться, повлиять на свидетелей или помешать ходу расследования, если он окажется на свободе (см. пункты 8, 13 и 14 выше). В трех других случаях суды не приводили никакой мотивировки вообще (см. пункты 10-12 выше).

30. Что касается ссылки судов на серьезность обвинений как на основную причину продления срока содержания под стражей, Суд неоднократно признавал, что данный довод не является сам по себе основанием продолжительного содержания под стражей (см. среди прочих прецедентов, «Худойоров против России», № 6847/02, пункт 180, ECHR 2005 X (выдержки)). Несмотря на то, что тяжесть обвинений является существенным элементом в оценке угрозы побега и повторного совершения преступления, дальнейшая необходимость ограничения свободы не может быть оправдана только тяжестью преступления. Также и продление срока содержания под стражей не может быть использовано в качестве наказания в виде лишения свободы (см. «Летелье против Франции», 26 июня 1991 года, пункт 51, Series A № 207; «Илийков против Болгарии», № 33977/96, пункт 81, 26 июля 2001 года; «Горал против Польши», № 38654/97, пункт 68, 30 октября 2003 года; и «Панченко против России», № 45100/98, пункт 102, 8 февраля 2005 года). Это особенно верно в таких случаях, как данный, где правовая квалификация преступления и как следствие предъявляемые заявителю обвинения – определялись стороной обвинения без судебной оценки вопроса, действительно ли собранные доказательства являются основанием полагать, что подозреваемый совершил вменяемое ему преступление (см. «Рохлина против России», №54071/00, пункт 66, 7 апреля 2005 года).

31. Осталось установить, действительно ли российские суды определили и убедительно продемонстрировали наличие конкретных факторов в поддержку своего решения о потенциальной возможности заявителя скрыться, оказать влияние на свидетелей или воспрепятствовать установлению справедливости. По этому поводу Суд напоминает, что на национальные власти возлагается обязанность определять наличие существенных факторов, являющихся непосредственным основанием для продолжительного содержания

под стражей. Перенос бремени доказывания на подозреваемого в данном случае равносителен нарушению статьи 5 Конвенции, которая приравнивает содержание под стражей к исключительному отступлению от права на свободу, а это допустимо лишь в определенных перечисленных ситуациях (см. Рохлина, выше, пункт 67 и Илийков, выше, пункты 84-85).

32. В данном деле Власти утверждали, что заявитель являлся сотрудником милиции и потому мог использовать свои профессиональный опыт и связи для воздействия на свидетелей и таким образом помешать расследованию. Они ссылались на заявление некой П. В частности, П. заявила, что сотрудники милиции угрожали ей насилием, в случае если она будет свидетельствовать против заявителя. На суде она изменила свои показания и свидетельствовала против заявителя, несмотря на то, что на этапе предварительного расследования давала показания в защиту заявителя (см. пункт 24 выше). Суд был бы готов признать данное основание «допустимым и достаточным» в данном деле. Суд, однако, отмечает, что только однажды, а именно 10 сентября 2003 года, когда мера пресечения в виде содержания под стражей была впервые назначена (см. выше пункт 7), национальный суд сослался на профессиональную деятельность заявителя и связанные с ней возможности оказывать влияние на свидетелей, если он окажется на свободе. Даже в этом случае суд лишь упоминал возможность заявителя повлиять на свидетелей, не указывая никаких конкретных фактов, указывающих на то, что он сделал это. Ни одно из последующих постановлений суда, продляющих содержание заявителя под стражей, не содержит упоминание о его профессиональной деятельности как об основании для дальнейшего содержания под стражей. На самом деле, в одном случае национальный суд указал в своем постановлении о продлении срока, что заявитель может повлиять на свидетелей или помешать расследованию (см. пункт 8 выше). Затем три раза было заявлено, что мера пресечения должна оставаться неизменной (см. пункты 10 - 12 выше). В двух других случаях суд ссылался на личность заявителя и предполагал, что он может помешать установлению справедливости в деле, поскольку он заявлял, что он невиновен (см. пункты 13 и 14 выше).

33. Тем не менее, ни в одном из случаев национальные суды не описывали личность заявителя в деталях, не раскрывали доказательства, не упоминали никаких конкретных фактов по делу заявителя, которые требовали бы продолжительного содержания под стражей. Судебная власть ни разу не объяснила подробно, почему угроза побега заявителя, или влияния на свидетелей в ходе расследования и отправления правосудия является реальной и решающей для определения меры пресечения. Кроме того,

предварительное расследование по данному делу было завершено к 28 ноября 2003 года, когда дело как раз и было отправлено на рассмотрение в суд, однако заявитель содержался по стражей в течение еще одного года – до 22 ноября 2004 года. Суд напоминает в связи с этим, что на начальном этапе расследования риск, что обвиняемый может повлиять на ход расследования, мог оправдать содержание под стражей, однако, когда доказательства по делу были собраны, соответствующий риск уже становится менее сильным аргументом (см. «Мамедова против России», № 7064/05, пункт 79, 1 июня 2006 года).

34. Суд также подчеркивает, что при решении вопроса о заключении лица под стражу или освобождении, власти обязаны (в соответствии с пунктом 3 статьи 5) учитывать альтернативные меры обеспечения его явки на судебное заседание (см. «Сулаоха против Эстонии», № 55939/00, пункт 64, 15 февраля 2005 года; и «Яблонский против Польши», № 33492/96, пункт 83, 21 декабря 2000 года). Не похоже, что в течение рассматриваемого периода в национальных судах когда-либо рассматривалась возможность обеспечить явку заявителя посредством других, «мер пресечения» – например, таких как подписка о невыезде или залог – которые предусмотрены российским законодательством для обеспечения надлежащего ведения уголовных расследований, или, в крайнем случае, необходимо подробно объяснить, почему данные альтернативы не могут помочь развиться следствию в нужном направлении.

35. Принимая во внимание материалы, находящиеся в его распоряжении, Суд не убежден, что решения внутренних российских судов были основаны на достаточном анализе всех фактов, относящихся к делу. Продлевая срок содержания заявителя под стражей, используя похожие и аналогичные формулировки, национальные власти не учитывали должным образом конкретные обстоятельства данного дела.

36. В целом, Суд полагает, что отсутствие ссылок на конкретные соответствующие вопросы и нерассмотрение возможности применения альтернативных мер пресечения, учет в основном лишь тяжести обвинений свидетельствуют о том, что власти продлевали срок содержания заявителя под стражей без достаточных оснований. Таким образом, они не смогли обосновать необходимость продления срока содержания заявителя под стражей. В таком случае нет необходимости рассматривать, было ли дело действительно сложным или были ли проведены разбирательства «с особым усердием».

37. В свете вышеизложенного, Суд считает, что в данном деле имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

38. Заявитель утверждает, что не было никаких законных оснований для его содержания под стражей с 30 ноября по 7 декабря 2003 года. Он ссылается на подпункт (с) пункта 1 статьи 5 Конвенции, который в соответствующей части гласит следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...»

39. Суд отмечает, что срок содержания заявителя под стражей по постановлению суда от 31 октября 2003 года истек 29 ноября 2003 года. Начиная с 30 ноября по 7 декабря 2003 года содержание заявителя под стражей не было санкционировано судом. В течение данного периода заявитель оставался под стражей на основании того, что материалы его дела были отправлены в суд 28 ноября 2003 года (см. пункт 9 выше). Впоследствии заявитель добивался возбуждения уголовного дела против прокурора г. Мариинска, который сообщил администрации СИЗО, что дело было направлено в суд 28 ноября 2003 года, хотя, по факту, это было сделано лишь 1 декабря 2003 года, в результате чего администрация СИЗО не освободила заявителя по истечении срока применения меры пресечения – 31 октября 2003 года. Данное заявление, однако, было отклонено прокуратурой Кемеровской области, постановление об отказе в возбуждении уголовного дела было оставлено в силе 28 июня 2005 года Центральным районным судом г. Кемерово и 18 августа 2005 года Кемеровским областным судом, поскольку, в соответствии с российским законодательством, никакого уголовного преступления совершено не было (см. пункт 17 выше).

40. Настоящая жалоба была подана в Суд 2 декабря 2004 года. Следовательно, может считаться, что правило шести месяцев, закрепленное в пункте 1 статьи 35 Конвенции, соблюдено заявителем только, если считать «эффективным средством правовой защиты» уголовное производство, которое он пытался возбудить, в значении данного положения.

41. Суд повторяет, что, чтобы средство правовой защиты было эффективным, оно должно предоставлять заявителю возможность вынесения решения в его пользу и предоставления адекватной компенсации. Тем не менее, учитывая обстоятельства данного дела, Суд не считает, что вышеперечисленные требования были выполнены. Как следует из постановлений российских судов, прокурор города Мариинск не нарушил никаких положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства, в связи с чем администрация СИЗО отказалась выпустить заявителя на свободу на законном основании. Соответственно, любое применение этих мер изначально подразумевало бесперспективность благоприятного исхода. В свете вышеизложенного, Суд считает, что не следует учитывать дату принятия решения Кемеровским областным судом для расчета шестимесячного периода по данному делу (см. похожее решение по делу «Зенин против России», № 15413/03, от 24 сентября 2009 года).

42. Отсюда следует, что эта часть жалобы подана несвоевременно и должна быть отклонена в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

43. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

44. Заявитель требовал компенсации морального вреда вследствие его длительного содержания под стражей, не указывая конкретную сумму.

45. Власти утверждали, что нарушение прав заявителя в рамках Конвенции отсутствовало, в связи с чем ему не полагается никаких компенсационных выплат.

46. Суд отмечает, что он установил нарушение пункта 3 статьи 5 в связи с необоснованным содержанием заявителя под стражей. Заявитель в связи с этим пострадал, так как его право на свободу было нарушено. Учитывая эти соображения и принимая решение на справедливой основе, Суд считает разумным присудить заявителю по данному делу 1000 (одну тысячу) евро (EUR), плюс налог, который будет взиматься с этой суммы.

Б. Расходы и издержки

47. Заявитель не выдвигал требований по оплате судебных расходов и издержек. В связи с этим, Суд ничего не присуждает по этому пункту.

В. Процентная Ставка

48. Европейский Суд счел, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента.

НА ОСНОВАНИИ ЭТОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *объявил* жалобу в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции приемлемой, а остальную часть жалобы неприемлемой;
2. *постановил*, что имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции;
3. *постановил*
 - а) что власти Государства-ответчика должны выплатить заявителю в течение трёх месяцев со дня вступления данного постановления в силу, в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, 1000 (одну тысячу) евро в качестве компенсации морального вреда в российских рублях по курсу, установленному на день выплаты, а также все налоги, удержанные с указанной суммы;
 - б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации с вышеуказанной суммы выплачивается простой процент в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка в течение периода выплаты процентов за просрочку плюс три процента.

Решение составлено на английском языке, уведомление направлено 3 мая 2012 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Сорен Нильсен
Секретарь

Нина Вайич
Председатель